

DOI: 10.17803/1994-1471.2021.133.12.079-097

Е. Е. Уксусова*

Проблема права на обращение в суд: теория и практика дуализма и взаимодействия материального и процессуального права

Аннотация. Продолжая исследование специализации российского гражданского процессуального права, автор, исходя из неизменной перспективы его действия (нормированный им порядок судопроизводства гражданско-процессуального профиля при отправлении правосудия по определенному гражданскому делу и защиты права) останавливается на отдельных вопросах структурной и функциональной его характеристики, таких как классификация процессуальных норм, механизм процессуального регулирования, механизм процессуального правоотношения и т.д. Через контекст принципа диспозитивности при уточнении сферы его действия и содержания как правового начала судопроизводства (ведущий его элемент — право на обращение в суд, приводящий к взаимодействию материального и процессуального права в ходе судебной защиты права) дается анализ и раскрывается содержание, обосновываются связи и отношения разноотраслевых явлений права (иск, право на иск и др.). Новейшей судебной практикой иллюстрируется важность понятийного правового аппарата для развития юридической науки, права и совершенствования его реализации в российском правопорядке.

Ключевые слова: правосудие по гражданским делам; законный интерес; гражданское процессуальное право; принцип диспозитивности; специализация процессуального права; процессуальное правоотношение; судопроизводство; механизм процессуально-правового регулирования; дуализм материального и процессуального права; право на обращение в суд; иск; право обжалования судебного акта; несостоятельность (банкротство).

Для цитирования: Уксусова Е. Е. Проблема права на обращение в суд: теория и практика дуализма и взаимодействия материального и процессуального права // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — Т. 16. — № 12. — С. 79–97. — DOI: 10.17803/1994-1471.2021.133.12.079-097.

© Уксусова Е. Е., 2021

* Уксусова Елена Евгеньевна, кандидат юридических наук, профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), член Президиума Российского арбитражного центра при АНО «Российский институт современного арбитража»
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
eeksuusova@msal.ru

The Problem of the Right to Trial: The Theory and Practice of Dualism and Interaction between Substantive and Procedural Law

Elena E. Uksusova, Cand. Sci. (Law), Professor, Department of Civil and Administrative Procedure, Kutafin Moscow State Law University, Member of the Presidium of the Russian Arbitration Center at ANO "Russian Institute of Modern Arbitration"
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
euksusova@msal.ru

Abstract. Continuing the study of specialization of Russian civil procedural law, the author, based on the invariable perspective of its action, namely: a standardized court procedure of civil proceedings in administration of justice in a certain civil case and protection of the right, dwells on certain issues of its structural and functional characteristics — classification of procedural norms, mechanism of procedural regulation, mechanism of procedural legal relationship, etc. Through the context of the principle of dispositiveness, when clarifying the scope of its action and content as the legal beginning of legal proceedings (its leading element is the right to trial leading to the interaction of substantive and procedural law in the course of judicial protection of the right), the author analyzes and reveals the content, substantiates connections and relations between various interdisciplinary phenomena of law (a claim, the right to claim, etc.). The latest jurisprudence illustrates the importance of the conceptual legal apparatus for the development of legal science, law and improvement of its implementation in the Russian legal order.

Keywords: civil justice; legitimate interest; civil procedural law; principle of discretion; specialization of procedural law; procedural legal relationship; legal proceedings; mechanism of procedural and legal regulation; dualism of substantive and procedural law; right to trial; claim; right to appeal against a judicial act; insolvency (bankruptcy).

Cite as: Uksusova EE. Problema prava na obrashchenie v sud: teoriya i praktika dualizma i vzaimodeystviya materialnogo i protsessualnogo prava [The Problem of the Right to Trial: The Theory and Practice of Dualism and Interaction between Substantive and Procedural Law]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2021;16(12):79-97. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.133.12.079-097 (In Russ., abstract in Eng.).

1. Право на обращение в суд, необходимым условием существования и реализации которого служит гражданское процессуальное право (далее — процессуальное право), выступая неизменной основой правосудия по делам, которые мы именуем гражданскими в широком смысле, наглядно представляет *процессуальное право в действии*.

В рамках данной публикации исследование специализации процессуального права в системе российского права неизбежно при парности действия права в ходе судебной защиты субъективных прав, свобод, законных интересов (далее — права) обращено к изменяющемуся

ему самому, равно как и к иным связанным с ним явлениям права, их объему и состоянию, разнообразным связям (отношениям) между ними. При этом по заявленной проблеме, сопряженной с межотраслевым регулированием и обращенной к разноотраслевым явлениям права, предмет нашего внимания — некоторые теоретико-практические вопросы (аспекты), охватываемые в известной степени принципом диспозитивности процессуального права через *право на обращение в суд как ведущий элемент его содержания*. Исследование объектов в рамках подобной парности права¹ обязывает нас сформулировать исходные позиции

¹ См. последние работы автора о характеристике процессуального права со стороны как нормативной, так и функциональной (действия), о специфике познания процессуального права при парности с материальным правом: *Уксусова Е. Е.* Гражданское судопроизводство как процессуальная форма и потенциал возможностей с позиций специализации на современном этапе // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. 2015. № 9. С. 20–51 ; *Она же.* Системные связи гражданского процессуального права: определяющие их аспекты // *Цивилистический процесс современной России: проблемы и перспективы* :

по отдельным вопросам теории познания процессуального права, учет которых важен для институциональной и функциональной характеристики права.

Теоретик права А. В. Корнев предостерегает от бесплодных усилий в области юриспруденции как устоявшейся и специфической науки со своим отлаженным категориальным и познавательным аппаратом, отмечая, что понятия юриспруденции служат «не для точности, ибо она недостижима, а для их разграничения, если угодно — определения границ», когда «известная осторожность и здоровый консерватизм не помещают, а скорее — послужат гарантией». Очевидны высокое значение для науки и юридической практики юридического языка в качестве знаковой системы, выполняющей познавательную и коммуникативную функции, соответственно применяемого в реальной правовой жизни категориального аппарата юридической науки, его производность от слова «право» и формирование от понимания права².

2. Принципы права, преломляясь в механизме правового регулирования, представляют собой, по образному выражению теоретика права А. М. Васильева, идейную пружину данного механизма³. Характеризуя правовое своеобразие, качественные особенности, следует отметить, что принципы процессуального права — идейная пружина для отраслевого механизма регулирования судопроизводства гражданско-процессуального профиля, механизма процессуального правоотношения, т.е. действия процессуального права. При действующей системе в рамках сложившейся классификации по роли в осуществлении правосудия (по объекту регулирования) они подразделяются на организационно-функциональные и функциональные (принцип диспозитивности — в составе

последних). Каждый из принципов процессуального права, как справедливо замечал А. Т. Боннер, в составе целостной их системы в качестве значимых гарантий осуществления правосудия по гражданским делам отражает и раскрывает *одну какую-то сторону данной отрасли права* (процессуально-правовой регламентации) и всегда является непременно «работающим» положением, с чем связана его юридическая и социальная ценность⁴. По обоснованному признанию В. М. Шерстюка, принципы — идейный каркас отрасли процессуального права, по мере развития которого требуется глубокий анализ⁵. Принцип диспозитивности, как и любой другой функциональный принцип в системе принципов, нормативно выраженный и признанный правовой доктриной, отражает основополагающую идею правового оформления процессуальной деятельности, значимую для осуществления правосудия при разрешении гражданских дел. Получая свое объективное содержание, такой принцип одновременно в системе норм процессуального права, развивающих и конкретизирующих его в определенных правилах поведения субъектов процессуального правоотношения, выступает идейно-правовой основой в качестве некоего общего критерия группировки и объединения «рядовых» норм процессуального права (процессуально-правовых предписаний), как следствие, имеет значение для должной реализации норм права и дальнейшего их преобразования.

3. Понимание принципа диспозитивности процессуального права требует большей определенности. До сих пор его научная интерпретация оставляет достаточно неясных вопросов, в числе которых неоправданно широкое его содержание, включающее явления материально-правового характера.

монография / А. Т. Боннер, Н. А. Громошина, Т. В. Докучаева [и др.] / под ред. Н. А. Громошиной. М. : Проспект, 2017. С. 33–55.

² См.: Корнев А. В. О некоторых особенностях юридической науки и поисках права // Журнал российского права. 2020. № 10. С. 9–10, 13.

³ Васильев А. М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категории теории права. М. : Юрид. лит., 1976. С. 225–226.

⁴ Боннер А. Т. Принцип диспозитивности советского гражданского процессуального права. М., 1987. С. 12, 25, 43.

Нельзя не заметить, что в более общем подходе строгая научная трактовка юридических категорий (понятий, конструкций) (далее — понятия) с разноотраслевым содержанием соотносима с развитием процессуального права и формированием отраслевой науки как самостоятельной области отечественной юриспруденции. В этом направлении прослеживается их развитие, что и понятно, ибо право исторически обусловлено и потому изменяется во времени, равно как и его научная интерпретация. Еще на рубеже XIX — начала XX вв. многие правовые понятия в теории процессуального права, на что обращалось внимание в доктрине, находясь под длительным исторически сложившимся влиянием научных взглядов представителей теории гражданского права, лишь приобретали по сути самостоятельное «процессуальное рождение».

Подобное положение вещей не могло не сказаться на трактовке принципа диспозитивности при исходном его приложении к гражданскому процессу, истокам его формирования и даже содержанию. Так, Е. В. Васьковский на основе Устава гражданского судопроизводства 1864 г. относил его к числу безусловных и непреложных начал гражданского процесса. «Право распоряжения сторон в процессе носит название принципа диспозитивности». К праву распоряжения сторон сводились последствия частнопредварительной автономии к процессу, во-первых, объектом процесса, во-вторых, средствами процессуальной борьбы (процессуальными средствами защиты и нападения). Сообразно тому, рассматривалось ли оно к одному или другому применению, в первом случае речь шла о частных (гражданских) правах и обязанностях, во втором — о процессуально-правовом регули-

ровании. Ученый, различая принципы материальной и формальной диспозитивности, тем не менее признавал их двумя разветвлениями одного и того же начала гражданского процесса⁶.

В последующем в отраслевой теории можно лишь усматривать, как укрепляется значимость и определенность правовых понятий, которые несут самостоятельное процессуально-правовое и материально-правовое наполнение. Вместе с тем в новейших отраслевых исследованиях можно наблюдать возвращение к, казалось бы, пройденному пути и в известной мере открытие его заново. В частности, утверждается, что главное в принципе диспозитивности гражданского процесса — это осуществление субъективных материальных прав и распоряжение субъективными материальными правами, он является отражением принципа диспозитивности в частном праве⁷, действие принципа видится в осуществлении юридически заинтересованными лицами по своему усмотрению как субъективных материальных прав, так и процессуальных прав, когда перспектива его развития связывается с распоряжением сторонами своими материальными правами в процессе⁸. С таким пониманием нельзя согласиться ввиду того, что: а) содержание публично-правового начала порывает в этом случае с границами процессуально-правового регулирования; б) не представляется возможным однозначно определить, какую сторону процессуальной отрасли права (правовой регламентации судопроизводства) он отражает и раскрывает; в) его трактовкой охватывается материальная ткань спорных правоотношений как предмет деятельности и познания суда, что соотносимо с представлением о материально-правовой природе явлений,

⁵ Шерстюк В. М. О концепции нового Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации // Законодательство. 2014. № 2 ; *Он же*. Теоретические проблемы развития гражданского процессуального, арбитражного процессуального права и исполнительного производства в Российской Федерации. М. : Городец, 2021. С. 26–41.

⁶ Васьковский Е. В. Учебник гражданского процесса. 2-е изд., перераб. М., 1917. С. 90–91.

⁷ См.: Воронов А. Ф. Гражданский процесс: эволюция диспозитивности. М. : Статут, 2007. С. 112, 113, 139.

⁸ См.: Воронов А. Ф. Эволюция функциональных принципов гражданского процесса : автореф. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. С. 8–9, 31–32.

Подробнее о научных представлениях по данному вопросу см.: Гражданское процессуальное право России : учебник для вузов / С. Ф. Афанасьев [и др.] ; отв. ред. С. Ф. Афанасьев. М. : Юрайт, 2013. С. 163–166.

с материально-правовой диспозитивностью, а шире — с материальным правом, даже если они находятся в орбите судопроизводства. Если и главное, то — в области материального права⁹. Процессуальное право судебному процессу по самому его существу, назначению и задачам придает самодовлеющую ценность.

Объяснимо, что преобладающим в теории процессуального права является понимание принципа диспозитивности как начала, определяющего (порождающего) *возбуждение и дальнейшее развитие (включая прекращение) судопроизводства посредством процессуальных действий юридически заинтересованных лиц — лиц, участвующих в деле, в первую очередь сторон*. При всех теоретических разночтениях, в его характеристике тем не менее при подобном подходе, несомненно, прослеживается общность той стороны или той правовой идеи, благодаря которой оформляется процессуальная деятельность, разделяемой и нами. Таковой является определяемая *область движения судопроизводства, когда процессуально-правовое регулирование таит в себе «энергию» процессуально-правовой инициативности и активности в его развитии посредством права на обращение в суд юридически заинтересованных лиц для осуществления правосудия и защиты прав по гражданским делам*.

Не исключает это признания того, что в результате деятельности органов правосудия по гражданским делам *правовой эффект защиты права в рамках судопроизводства* порождается не только процессуальной деятельностью субъектов процессуальных правоотношений. Реализация права с участием суда в ходе судебной защиты права, обеспечивая в том числе восстановление нарушенных материальных прав, не подменяет действий самих участников гражданских (материальных) правоотношений (ст. 1 ГК РФ), как правило, в результате самостоятельного, но не автономного существования и дей-

ствия их в отрыве от единого процесса правового регулирования как проявления реализации парности права с участием суда.

4. Проблема *связи судопроизводства с явлениями материально-правового порядка*, правда, не ограничиваемая исключительно контекстом принципа диспозитивности судопроизводства, имеет не только теоретическое значение. Исходя из различения отраслевыми процессуальными кодексами правовой и фактической стороны гражданского дела не только области материального, но и области процессуального права, с которыми связаны существенные процессуальные последствия (ст. 330, 387, 390.14, 391.9 ГПК РФ; ст. 310, 328, 341 КАС РФ; ст. 270, 288, 291.11, 308.8 АПК РФ), в связи с неустранимой значимостью в целом разграничения познания права и фактов при парности применимого права судом для теории процессуального права, данный вопрос следует рассматривать как весьма непростой и не совсем однозначный во всех его проявлениях.

В научном конструировании исследование процессуального права с неизбежностью ведет к проведению более четких границ между явлениями материально- и процессуально-правового порядка и необходимости раскрытия их связи (отношений), когда нельзя не подчеркнуть, что *характеристика правовой основы судопроизводства в составе сводимых явлений* не только *процессуально-правового*, а шире — и *материально-правового свойства*, когда при этом вторые не могут подменять первые, равным образом в них не может вкладываться материально-правовое содержание, включая принцип диспозитивности процессуального права.

Познание специализации в процессуальном праве в магистральном отношении задано его *неизменной перспективой действия — нормированным им порядком судопроизводства для осуществления правосудия по гражданскому делу и защиты права*¹⁰ согласно процессуаль-

⁹ Против введения в содержание рассматриваемого принципа «распоряжение материальными правами» см.: *Лукасян Р. Е.* Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве. Саратов : Приволжское книжное издательство, 1970. С. 68–77.

¹⁰ Здесь и далее для краткости речь идет о защите субъективного материального права, подразумевается любой иной объект судебной защиты области материального права (законодательства).

ному кодексу. Такая перспектива всегда существует в рамках конкретной правовой формы судопроизводства, определенной процессуальным правом и выраженной процессуальным законодательством, в первую очередь процессуальным кодексом, при «сквозном» действии права на обращение в суд заинтересованного лица и права (обязанности) суда на правосудие по данному делу (иску), которая представляет собой конкретизацию права на судебную защиту и общей право-обязанности суда по правосудию. Отсюда в обозначенном отношении авторская интерпретация специализации в процессуальном праве, его «образ» в действии — порядок судопроизводства (процессуальная форма) по определенному гражданскому делу согласно процессуальному кодексу приобретает конкретный характер и потому есть проявление *специализации в процессуальном праве конкретного свойства* (как любое уподобление очевидно уступает уподобляемому, в нашем случае — праву).

Теоретически важно для познания процесса специализации в процессуальном праве определение *степени детерминации правовой формы судопроизводства материальным правом*. Так, в качестве материально-правовой основы судопроизводства в результате доктринального изучения по поводу и в связи с гражданским делом требуют раскрытия явления материально-правового порядка, обнимаемые материально-правовой тканью, материальным правом, понятиями с материально-правовым содержанием. В теории процессуального права они оформляются, в частности, как предмет судебной деятельности, предмет иска, предмет судебного решения, право на иск в материальном смысле и др. В то же время правовая действительность, равным образом и подобная основа судопроизводства, не остается неизменной, обнимающая область предмета судебной деятельности (защиты) — материальная ткань правоотношения и не только. Соответственно, возможно познание ее изменяющихся объема, содержания, пределов. Новыми правовыми понятиями неизбежно наполняется юридическая надстройка судопроизводства с материально-правовым содержанием.

Системное правовое регулирование и, соответственно, системное применение права судом приобретает значение не только для эффективной реализации, но и для его дальнейшего совершенствования, ибо представляет собой не что иное, как интегративный результат взаимодействия материального и процессуального права, когда особая роль последнего в конечном итоге выходит на результаты функционирования правовой системы в целом — состояние законности в отечественном правовом порядке.

В итоге анализ данной проблемы нацелен на дальнейшее развитие и поиск процессуального права как компонента системы права в целом, наилучших форм его выражения, овладение способами преобразования функциональных механизмов, обеспечивающих реализацию его назначения и результат, обращенный в будущее. За организацией научного познания в этом направлении стоит попытка *упорядочить и направить формирование представлений о соотношении материального и процессуального права*.

5. Определяя значение материально-правовой основы судопроизводства для научного познавательного процесса, мы исходим из того, что *без учета фактора материального права вряд ли исследование специализации процессуального права и его явлений могло бы претендовать на всесторонность и полноту*. В этом направлении познание приобретает значение для правильного понимания и различения природы правовых явлений. Подчеркивая самостоятельное значение и содержание обращения к суду в качестве процессуального действия, имеющего двигательную силу для процесса, оторванного от своей первоначальной правовой основы, не ставя при этом под сомнение процессуально-правовое содержание принципа диспозитивности гражданского процесса, М. А. Гурвич одновременно полагал, что наиболее существенной, главной основой последнего служит распорядительное начало в области гражданских субъективных прав. Начало рассматривалось как «характерное для материального интереса истца право распоряжения, направленное на востребование исполнения обязанности должника... через решение

о присуждении либо... конститутивное решение суда, процессуально направленное на возбуждение процесса, его дальнейшее развитие, прекращение и определение предмета судебного решения либо на его изменение»¹¹. Выделяя материальный интерес истца, его право требования исполнения обязанности должника, предмет решения суда при связи с разрешаемым вопросом о наличии или отсутствии спорного материального права, М. А. Гурвич тем самым анализировал материально-правовую основу судопроизводства. Нельзя не заметить, что ученый-процессуалист подчеркивал, с одной стороны, ее значение для действий суда в ходе осуществления правосудия при применении материального права, с другой — подчиненность процессуальной деятельности (предъявление иска, принятие решения) процессуальному праву. Рассматривая защиту гражданских прав с использованием процессуально-правовых средств защиты права, ученый раскрывал значимую связь между процессуальными действиями: иском (его элементами) и судебным решением как действием суда в ответ на обращение заинтересованного лица, когда суд призывается рассмотреть и разрешить правовой спор в отношении определенного гражданского (материального) правоотношения (права и (или) обязанности — предмет иска), выступающего в качестве предмета решения суда как основного итогового акта защиты права; иски определял как средства, направленные на получение решения того или иного вида, а решения — как «пути и способы защиты права»; при этом наглядно объяснял взаимодействие материального и процессуального права, исключая механическое соединение материальной и процессуальной диспозитивности в некое единое целое. Принцип диспозитивности был разъяснен как имеющий двигательное значение для объекта и развития судопроизводства, в более широком смысле как характерная черта судопроизвод-

ства — *движение вперед*, раскрывающая его сущность¹².

Что касается субъективных материальных прав, правоотношений, то, как известно, они возникают и развиваются в результате юридических действий, предусмотренных или допускаемых материальным правом, приобретают значение юридических фактов материального права, с которыми связываются материально-правовые последствия. В то же время в их составе, в частности, могут быть преобразовательные (конститутивные) решения суда как особая форма защиты права, ибо не за любым судебным решением нормами материального права признается материально-конститутивный характер, регулирующее их материально-правовое действие. В числе таковых относится, к примеру, положительное решение суда по иску о расторжении гражданско-правового договора (п. 2 ст. 450 ГК РФ)¹³.

6. Исторический процесс развития процессуального права и его принципа диспозитивности тесно связан с *правовой категорией «иск»*, с теорией гражданского права, сложившейся на почве разработки источников римского права, прежде всего стран Западной Европы, проверивших их положения путем продолжительного опыта применения. В современном правопорядке среди основных устоев рассматриваемого судопроизводства — фундаментальные положения древнеримской догмы, в частности *neto iudex, sine actore* («нет судьи без истца»). Суд может приступить к производству не иначе как вследствие обращения к нему заинтересованного лица. Иск — основное процессуальное средство защиты права. *Исковой порядок защиты права — общий (исходный)* в ряду порядков судопроизводства, имеющих их разновидности в ныне действующих процессуальных кодексах.

Разработка и введение в советский период развития отраслевой юриспруденции в отече-

¹¹ Гурвич М. А. Судебное решение. Теоретические проблемы. М. : Юрид. лит., 1976. С. 18–20.

¹² См.: Гурвич М. А. Структура и движение гражданского процессуального правоотношения // Труды ВЮЗИ. Т. 38 : Вопросы науки советского гражданского процессуального права. М., 1975. С. 9.

¹³ См.: Соменков С. А. Расторжение договора в гражданском обороте: теория и практика. 2-е изд., перераб. и доп. М. : МЗ-Пресс, 2005.

ственный научный правовой оборот теории иска и права на иск — большая заслуга М. А. Гурвича. Ученым были четко разграничены понятия «иск» и «право на иск», отражающие анализ частного (гражданского) и процессуального права на базе первых российских кодексов: ГК РСФСР 1922 г. и ГПК РСФСР 1923 г. По настоящее время данная теория строения иска и его элементов противостоит иной теории — двуединой трактовке иска¹⁴.

Право на предъявление иска, или, иначе, право на иск в процессуальном смысле как основная форма права на обращение в суд есть ведущий элемент содержания процессуального правоотношения. Акт предъявления иска имеет правообразовательное действие для процессуального правоотношения. Решение вопроса о том, предъявлять или не предъявлять иск, какой и к кому, принадлежит субъекту, наделенному правом на предъявление иска; степень усмотрения зависит от того, к какой категории субъектов и к какой форме обращения в суд: о защите своих прав или законных интересов (своей волей и в своем интересе) или о защите прав и законных интересов других лиц — относит их процессуальное право. В любом случае степень не исключает этого усмотрения, инициативы (свободы) в соответствии с юридическими интересами. Реализацией данного права, а шире — права на обращение в суд, удовлетворяется юридический интерес к процессу (личный, общественный или служебный), являясь самостоятельной разновидностью правового интереса — *процессуальным интересом*, который в самом общем виде означает потребность в возникновении процесса и участии в нем, сфера действия этого процесса предопределяет и правовые способы (средства) его удовлетворения, правовое значение чему придается нормами процессуального права¹⁵.

7. Иск как процессуальное средство защиты права универсального свойства является

сложившимся представлением для теории процессуального права. Данное свойство в отечественном правопорядке иск приобретает для защиты не только субъективного права с разноотраслевым назначением и содержанием, исторически будучи связанным с таким состоянием субъективного (гражданского) права, как притязание, обозначаемое в процессуальной теории понятием «право на иск в материальном смысле», действительное состояние которого выясняется и устанавливается в ходе судопроизводства. Разрешение вопроса о наличии или отсутствии спорного материального права в рамках процесса составляет цель и конечный результат деятельности по правосудию в гражданском деле¹⁶.

Посредством иска самостоятельным предметом судебной защиты может являться законный интерес, охраняемый нормами материального права, который не опосредован субъективным правом, например в случае обращения в суд с требованием о понуждении заключить договор согласно ст. 445–446 ГК РФ¹⁷. Объектом защиты *законный интерес* выступает и по другому преддоговорному спору — об урегулировании разногласий, возникших в ходе заключения договора. Так, ГК РФ в этом случае требуется наличие соглашения между сторонами спора. В частности, исключительно при наличии соглашения сторон на рассмотрение суда могут быть переданы разногласия, возникшие в ходе заключения договора. Более того, такого рода преддоговорный спор может быть рассмотрен судом лишь в течение шести месяцев с момента возникновения разногласий (ст. 446 ГК РФ). Остановимся на анализе связи между таким соглашением сторон и правом на предъявление иска в суд, между данным правом и установленным (шестимесячным) сроком.

Высший судебный орган дает разъяснения относительно применения норм права по поводу такого рода споров, которые весьма

¹⁴ См.: Боннер А. Т. Гурвич и анти-Гурвич (к вопросу об одной дискуссии в науке гражданского процессуального права) // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2015. № 9.

¹⁵ См.: Гукасян Р. Е. Указ. соч. С. 39–59.

¹⁶ См.: Гурвич М. А. Право на иск. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1949. С. 106.

¹⁷ См.: Рожкова М. А. Судебный акт и динамика обязательства. М. : Статут, 2003. С. 21–22.

показательны истолкованием взаимодействия разноотраслевых норм права¹⁸. В то же время отдельные положения, вызывая несогласие, требуют обсуждения. Мы исходим из того, что договорный процесс, как процедурно организованный нормами гражданского права, основывающийся на принципе свободы договора, по общему правилу осуществляется без участия суда и вне судебного порядка. Закон обуславливает исключительно наличием согласия сторон договорного процесса возможность обращения к суду в качестве органа по разрешению правового спора. Требование соглашения ставит его значение и для суда, который в этом случае, в отличие от общего правила, не имеет «безусловного» правомочия («висящее», не типичное полномочие) на рассмотрение такого спора. Значит, отсутствие соглашения не обязывает принять его к рассмотрению. Сказанное служит основанием для вывода, что наличие соглашения сторон не может быть квалифицировано иначе как специальное условие, с которым закон связывает право на предъявление иска (на правосудие по данному иску), исключая при его отсутствии или ограничивая во времени (шестимесячным сроком) при его наличии действия власти суда по рассмотрению данного преддоговорного спора по существу. Именно поэтому суд должен и может разрешить вопрос о праве на предъявление иска до рассмотрения данного спора по существу, отграничив его в том числе от срока исковой давности и при его истечении — в случае отсрочки обращения в суд (возникновения дела).

В этом случае, если при отсутствии соглашения о передаче разногласий на рассмотрение суда в принятии искового заявления об урегулировании разногласий действительно, как разъясняется, не может быть отказано (у сторон сохраняется возможность заключения соглашения, в частности посредством обмена процессуальными документами), то, когда в ходе процесса от всех других участников не последовало явно выраженного своевременного согласия на

рассмотрение судом разногласий, возникших при заключении договора, представляется, что у суда нет оснований для рассмотрения подобного спора по существу. Производство по делу должно подлежать прекращению, ибо такое обращение к суду не имеет правового эффекта, порождающего в данном процессе обязанность суда по правосудию. В равной мере такое процессуально-правовое последствие должно иметь место и тогда, когда при наличии такого соглашения оно оспорено и признано судом незаключенным (недействительным). Полагаем, что шестимесячный срок — не «срок на обращение в суд», который так поименован правоприменителем, его природа — гражданско-правовая, сродни сроку исковой давности, пропуск которого по заявлению стороны должен являться самостоятельным основанием для отказа в удовлетворении иска по преддоговорному спору. Некий сходный случай, соотносимый с понятием «право на иск в материальном смысле», учитывая, в отличие от искового состояния субъективного права, предмет судебной защиты, — законный интерес, когда судебное подтверждение отсутствия его *искового* состояния в качестве самостоятельного основания влечет отказ в иске. Правовое регулирование в данной ситуации предусматривает исключительно согласованное волеизъявление сторон спора согласно договорной свободе возможность определять государственный суд (третейский суд) как орган разрешения правового спора.

Во всяком случае, подобно иску и его элементам, в *обращении к суду по любому гражданскому делу* как первом процессуальном акте, независимо от его разновидности и разновидности порядка судопроизводства по процессуальному кодексу, в котором оно будет рассматриваться, можно усматривать содержание, предмет, основание, которые определяют заинтересованным лицом, значит, обуславливают и влияют на предмет и движение любого судопроизводства. Несмотря на то что каждый из таких параметров обращения, поставленного

¹⁸ См.: п. 38–39, 41 постановления Пленума ВС РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // СПС «КонсультантПлюс».

на рассмотрение суда, как правило, соотносим с элементами материально-правового порядка (со способом (мерами) защиты права; характером, субъектным составом, содержанием, а также основанием возникновения, изменения, прекращения спорного материального правоотношения как предмета судебной деятельности и т.д.), в итоге *возникновение судопроизводства и его дальнейшее движение поставлены в зависимость от волеизъявлений заинтересованных лиц с позиций норм процессуального права как носителей права на обращение в суд, включая право на предъявление иска. В этом случае заявляемым и разрешаемым иском судопроизводство индивидуализируется сообразно своему абстрактному правовому проявлению процессуального права конкретного свойства* (см. разд. 4 настоящей статьи).

8. Процессуальная судьба иска и, соответственно, судопроизводства поставлена в зависимость от усмотрения самого истца к избранному им иску и ответчику. В частности, *отказ истца от иска*, полностью или частично, влечет прекращение дела, если он принят судом. В то же время нет правовых оснований для признания зависимости судьбы уже возбужденного процесса исключительно от процессуального акта истца, его волеизъявления, тем более что он не обязан раскрывать основания своего отказа¹⁹. На кону и процессуальный интерес ответчика, для которого может быть безразлично, в какой форме будет ликвидирован судебный спор, если он заявляет возражение против продолжения процесса. Иное явно противоречило бы гарантированному законом процессуальному паритету сторон. Кроме того, отказ от иска не должен противоречить закону, нарушать права и законные интересы других (третьих) лиц. Такого рода акт истца не безусловен для суда, являясь объектом необходимой судебной проверки его действия посредством принятия судебного акта (ст. 34 ГПК РФ, ст. 46 КАС РФ, 49 АПК РФ). Иное означало бы умаление роли деятельности суда как органа правосудия и самого

процесса посредством применения права, а в итоге и результата — обязательности судебного акта. Это обусловлено, как было подчеркнуто ранее, особой ролью процессуального права в качестве действенного регулятора в интересах законности не только процессуального порядка по данному делу, шире — охраны и защиты отечественного правопорядка. Потому нельзя не учитывать и *интересы правосудия, которые обеспечиваются при применении права реализацией судебной компетенции по принятию судебного постановления, принимая во внимание каждый раз возможность признания в особых общественно значимых случаях итогового результата защиты права для сохранения правопорядка с учетом характера и содержания материального правоотношения, характера защищаемого юридического интереса и иных заслуживающих внимания обстоятельств целостной характеристики судебного дела.*

Акт отказа истца от иска, принятый судом и имеющий значение в качестве распорядительного действия, следует рассматривать как погашающее процессуальное право на предъявление иска (Р. Е. Гукасян). Равносильно оно и просьбе истца не рассматривать спор (дело), т.е. прекратить его без процессуальных последствий — принятия решения суда. По этому заявлению истца основанием определения суда не устанавливается, что истец является по спорному правоотношению управомоченным, а ответчик — обязанным. Суд, как правило, исходит лишь из утверждения о его наличии. В этом случае действие есть не что иное, как отказ от обращенной к суду принудительной реализации своего притязания к стороне, от судопроизводства, а не от самого притязания как такового, т.е. явления материально-правового порядка в качестве искового состояния субъективного материального права (см. разд. 9–10 настоящей статьи).

Заметим, что через суд как орган судебной государственной власти, применяющий

¹⁹ Ссылка на подобное основание истцом имеет значение для решения вопроса о распределении судебных расходов между сторонами, если отказ был связан с исполнением ответчиком своей обязанности после предъявления иска, по сути — с отсутствием спора между сторонами.

меры государственного принуждения, во всех случаях реализуются санкции нормы материального права. Так, санкция в составе нормы гражданского права в случае нарушения права превращается в право на принуждение должника исполнить обязанность или так называемое право на иск в материальном смысле²⁰. При неоднородности санкций норм отраслей материального права (гражданского, хозяйственного, семейного, трудового, административного), одни из которых представляют собой меры защиты правопорядка и субъективных прав, другие — меры ответственности²¹, их реализация в соответствии с судебной компетенцией осуществляется посредством судопроизводства, возникновения процессуального правоотношения, многосторонней процессуальной деятельности от обращения заинтересованного лица к суду, когда всякое материальное правоотношение — предмет рассмотрения лишь предполагаемого судебного подтверждения, вплоть до решения, которым снимается спорность и обнаруживается действительное существование и содержание, и за ним реализация судебного решения (судебного постановления) может обеспечиваться в том числе правовыми средствами исполнительного производства.

Иск по праву может быть признан первоосновой *атрибутирования, фиксирования, а также соотношения парных правовых проявлений*: материальных и процессуальных (нормы права, правоотношения, акты реализации прав (обязанностей) и др.) — для необходимого познания и разграничения правоотраслевых явлений (*правовых средств*) и их отношений по поводу и в связи с судопроизводством.

9. При парности права связи правовых явлений опосредованы через соответствующую отрасль права при проявляемой внутри отрасли взаимосвязи ее норм, самостоятельные соответствующие *механизмы правового регулирования и правоотношения*. Известно, что функционирование права как отрасли теоретически осмысливается и выражается раскрытием конструктивных элементов каждого

отдельного отраслевого механизма правового регулирования, когда надо синтезировать и показать общее взаимодействие его элементов. *Значимость и формы взаимодействия механизмов правового регулирования (материального и процессуального) через те или иные их сегменты в разные периоды развития права отечественного правопорядка неодинаковы*, в частности при соотношении по схеме: объект охраны (защиты) — орган по разрешению спора о праве — правовая форма его разрешения; право на судебную защиту — форма правосудия (судопроизводства). В ходе судебной защиты права действие парных механизмов приобретает сложное выражение. При этом нельзя не заметить, что в результате взаимодействия материального и процессуального права все акты субъектов в качестве юридических действий (бездействия), каждое из которых, производя различный правовой эффект (последствие), тем не менее есть осуществление в период судопроизводства по данному гражданскому делу материальных и (или) процессуальных прав (судебной компетенции) в рамках разноотраслевых правоотношений, соответственно и оказываются включенными в *разноотраслевые механизмы правового регулирования*; они являются относительно обособленными самостоятельными звеньями правовых реалий, объединенными тем не менее реализацией (применением) права судом. Их лишь *функциональное объединение* (параллельное действие отраслей права, правовой регламентации) в правовом регулировании в связи с поставленным *первым обращением заинтересованного лица* отдается на рассмотрение органа правосудия спора о праве. Поэтому объединение содержанием принципа диспозитивности процессуального права соответствующих материальных прав с процессуальными видится искусственным, его преломление — не иначе как в собственном процессуальном механизме, будучи включенным именно в его идейную «пружину». Тем не менее *во взаимодействии отраслей материального и процессуального права* заключается

²⁰ См.: Гурвич М. А. Судебное решение. Теоретические проблемы. С. 128–129.

²¹ См.: Малейн Н. С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность. М.: Юрид. лит., 1985. С. 150–151.

в ходе судебной защиты права основное значение функциональных связей, присущих им как отраслям права.

10. Разносторонним воздействием права (законодательства), разных его отраслей (материального и процессуального характера), при вовлеченности которых в правовое регулирование тех или иных общественных отношений может проявляться запрос на *комплексное правовое регулирование для достижения его целей (задач)*. На примере *несостоятельности (банкротства)* как специального правового явления в российском правопорядке, регулируемого базовым специальным законом о банкротстве²² (далее — Закон о банкротстве), рассмотрим значимость системного регулирования и применения при парности права судом при защите права в порядке судопроизводства по делу о несостоятельности и, по связи с ним, другому делу.

Учитывая проблему насущной минимизации неблагоприятных имущественных последствий и возможно-должного правового выхода для всех *из такой общей юридико-фактической ситуации, как несостоятельность (банкротство) должника*, можно заключить, что потребность максимального сбалансирования правовых возможностей, как правило, значительного числа в нее вовлеченных юридически заинтересованных лиц, возникает равным образом как у регулятора, так и для настройки правового регулирования у правоприменителя.

Не утрачивает значения проблема допустимости и возможного объема процессуально-правовых средств защиты права других (третьих, т.е. посторонних) лиц в судопроизводстве, предмет которого — спорное правоотношение, осложненное несостоятельностью одного из участников спора (в частности, в отношении него возбуждено дело о банкротстве, введена процедура банкротства, в преддверии его несостоятельности). *По признаку связи (внешней) такого судопроизводства с делом о банкрот-*

стве (шире — об обозначенной автором ранее проблеме взаимосвязанных судопроизводств) речь идет о лицах, которые участвуют в деле о банкротстве. Судебная практика, найдя в общем виде отражение в п. 24 постановления Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 № 35²³ и получив дальнейшее развитие, выработала подход: возможность обжалования судебных актов конкурсным кредитором или арбитражным управляющим как лицами, не привлеченными к участию в деле, чьи права и обязанности обжалуемым судебным актом непосредственно не затрагиваются.

В более широком восприятии речь идет об особых процессуально-правовых средствах защиты права по специальным основаниям определенного круга лиц в связи с несостоятельностью должника. Данный вопрос значим для судопроизводства как по делу о банкротстве (обособленным спорам), так и по связанному с ним гражданскому делу. В составе последних — право обжалования лиц, участвующих в деле о банкротстве, судебных актов, принятых по другим связанным с ним гражданским делам, при разрешении которых в порядке гражданского (административного, арбитражного) судопроизводства судом подлежат применению нормы законодательства о несостоятельности (Закон о банкротстве и иные нормативные правовые акты).

Очередным шагом высшего судебного органа на пути правоприменительной конкретизации в этом отношении стало признание *права конкурсного кредитора на апелляционное обжалование определения о прекращении производства по делу в связи с отказом от иска истца-должника к другому кредитору о взыскании денежного долга*. Практика свидетельствует, что отказ от иска должника в преддверии своего банкротства в общеисковом порядке может быть направлен на вывод своего имущества от принудительного взыскания. Суд указал, что в этой ситуации отказ от иска объективно влияет на состояние конкурсной массы должника

²² Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

²³ Постановление Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» // СПС «КонсультантПлюс».

в ущерб интересам его кредиторов, а потому подобное действие может быть оспорено конкурсным кредитором должника по банкротным правилам с соблюдением процессуальной формы при оспаривании сделки через обжалование судебного акта, которым он утвержден, что предполагает возможность приведения новых доводов и представления новых доказательств. Признано, что право обжалования судебного акта является одним из инструментов защиты конкурсных кредиторов от противоправных действий должника-банкрота по искусственному уменьшению своей имущественной массы, обеспечивающей исполнение долговых обязательств²⁴. Остановившись на анализе данной правовой позиции, выделим ряд аспектов по проблеме публикации, преломляемой к сфере несостоятельности. Процессуальный акт должника-истца наглядно иллюстрирует процессуально-правовые последствия, связанные с судьбой как иска, так и судопроизводства по иску, со сферой действия его принципа диспозитивности. Подобный акт истца, условием действия которого явилось определение суда о прекращении производства по делу, исключает возможность защиты имущественного права должника-истца предъявлением вновь тождественного иска посредством судопроизводства и действиями суда по правосудию (ч. 3 ст. 151 АПК РФ), равно как и посредством третейского разбирательства, действиями арбитра (ов) (см. разд. 8 настоящей статьи). Поэтому утверждение правоприменителя о том, что «истец утрачивает свое материальное субъективное право в правоотношениях с ответчиком и, соответственно, те экономические блага, которые являются содержанием этого права», в этом случае следует увязывать исключительно с последствиями и характером действий сторон как актами реализации прав (обязанностей) спорного правоотношения, осуществленными без участия

суда, но в период судопроизводства. Очевидно то, что процессуальное действие должника по отказу от иска в преддверии его банкротства, принятое судом, привело к погашению его права на предъявление иска как возможности в последующем подтвердить решением суда притязания по заявленному иску и за ним — возможности реализации судебного акта, в том числе в принудительном порядке. Данное право охватывает в целом процессуальную форму по иску, все стадии судопроизводства как единого процесса принудительной реализации материального права в процессуальной форме, т.е. с участием суда и посредством различных процессуально-правовых средств, когда законодательная регламентация процессуального механизма при их соединении образует систему гарантий. Такой результат в связи с несостоятельностью должника трудно расценить иначе, как в качестве негативных процессуально-правовых последствий для всех. Позитивного влияния этих последствий на формирование конкурсной массы должника при его банкротстве ожидать не приходится.

В этой связи *обжалование определения суда в порядке апелляции является процессуальной гарантией обеспечения «реанимации» судопроизводства и одновременно восстановления притязания по заявленному иску*, когда процессуальные действия, а также действия сторон в материально-правовой сфере требуют судебной проверки на предмет соответствия требованиям закона, в том числе банкротным правилам. В данном случае, следуя поступательному развитию процессуального правоотношения по данному делу (иску), распорядительное процессуальное действие истца, принятое судом, наряду с действиями материально-правового характера²⁵, в отличие от общего для них порядка — посредством предъявления самостоятельного иска — оспариваются в вышестоящей

²⁴ См.: определение ВС РФ № 305-ЭС21-1766(1) ; пункт 19 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2021), утв. Президиумом ВС РФ 10.11.2021 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁵ По специальным основаниям Закона о банкротстве в рамках дела о банкротстве такого рода действия могут быть оспорены в качестве самостоятельного объекта посредством предъявления иска, правда, как известно, в принципе они не ограничены исключительно понятием сделки, предусмотренным ст. 153 ГК РФ.

судебной инстанции, в суде второй инстанции. Конкурсный кредитор в деле по иску должника-истца к другому кредитору не может не пользоваться процессуальными правами и нести обязанности лица, участвующего в этом деле. В итоге *способы обжалования и проверки действуют как правила не только об охране процессуального порядка*. Такое процессуальное средство защиты для других (третьих) лиц, конкурсных кредиторов, носит косвенный характер, а для самого должника — прямой, поскольку первичная цель — предотвращение совершения должником процессуального действия и действий сторон судебного спора в материально-правовой сфере вопреки требованиям закона, как следствие, гарантия защиты имущественных прав должника. Потребность в судебной защите в этом случае не может быть ограничена исключительно процессуальными интересами отдельного кредитора и должника по гражданскому делу при связи его с делом о банкротстве.

11. При обсуждении *круга субъектов права обжалования судебных актов по гражданским делам не только в порядке апелляции, но и равным образом в других вышестоящих инстанциях по признаку их связи с судопроизводством по делу о банкротстве, мы допускаем в его составе также арбитражного управляющего*. Из положений Закона о банкротстве следует необходимость принятия им мер по защите имущества должника, в том числе направленных на поиск, выявление и возврат находящегося у третьих лиц имущества, мер по обеспечению его сохранности, взысканию задолженности перед должником, признанию недействительными сделок должника (ст. 20.3, 67, 99, 117, 129 и др.). Определенно то, что в числе подлежащих реализации для достижения защиты права — *процессуально-правовые средства*. Подчеркнем, что к совершению таких действий арбитражного управляющего обязывает не что

иное, как его процессуально-правовое положение в качестве специального субъекта в составе лиц, участвующих в деле о банкротстве. Особое правовое положение арбитражного управляющего в целом, легитимированное актом суда по делу о банкротстве о его утверждении, порождает для него в силу закона соответствующие полномочия и включает в себе активность и инициативность при использовании в том числе процессуального инструментария, обязывает действовать в интересах должника, кредиторов и общества.

В более общем подходе *право на обращение в суд арбитражного управляющего*, конкретизированное положениями Закона о банкротстве, непосредственно связано и с правом на предъявление иска по делам о защите имущественных прав должника. Представляется, что недостаточно отчетливое признание законодателем за арбитражным управляющим права на обращение в суд в защиту прав других лиц (например, имущественных прав должника) приводит в судебной практике к разночтению по вопросу о его процессуальном положении, в то время как общие законодательные специальные установления в отношении целевой направленности его действий *в интересах должника, кредиторов и общества* легализуют его самостоятельное процессуальное положение в качестве так называемого истца в процессуальном смысле (ст. 46 ГПК РФ, ст. 53 АПК РФ), например в делах по иску должника к кредитору о взыскании дебиторской задолженности, по иску должника к банку о взыскании убытков в случае списания денежных средств со счета должника с нарушением правил об очередности удовлетворения требований кредиторов согласно Закону о банкротстве²⁶ и в других случаях²⁷. Такое решение есть существенный фактор обеспечения его институциональной независимости, соответственно, с этим связана ответственность

²⁶ См., например: п. 12 Обзора судебной практики разрешения судами споров, связанных с принудительным исполнением требований исполнительных документов банками и иными кредитными организациями, утв. Президиумом ВС РФ 16.06.2021 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁷ Об этом см.: Уксусова Е. Е. Конкурсное судопроизводство и «мини-производство» на примере обжалования действий (бездействия) арбитражного управляющего // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 7. С. 44–52.

за правильность принятых решений по выбору порядков и способов (правовых средств) защиты, включая судебную форму защиты права.

12. Право на обращение в суд неизменно знаменует ряд определяющих субъективных процессуальных прав (обязанностей) лиц, участвующих в деле (право на отказ от иска, право на апелляционное обжалование, право на отказ от апелляционной жалобы, право на кассационное обжалование и др.), составляющих в совокупности при современном состоянии процессуального права и процессуального законодательства (ГПК РФ, КАС РФ, АПК РФ) содержание принципа диспозитивности. Акты суда в ответ на их осуществление по процессуальному праву есть неоспоримая демонстрация влияния определяющего волеизъявления субъектов этих прав на движение судопроизводства гражданско-процессуального профиля на том или ином его этапе — развитие процессуального правоотношения и деятельности по его стадиям. В выразительной, на наш взгляд, доктринальной оценке принципа диспозитивности (движущее, или двигательное, начало) усматривается действие процессуального права при анализе механизма процессуального правового регулирования и процессуального правоотношения, когда через содержание последнего проявляется инструментальный аппарат процессуальной формы судопроизводства. Сохранение в таком восприятии содержания принципа диспозитивности позволяет исключить утрату ясного представления о его роли и действительном месте в системе принципов.

По мнению С. А. Курочкина, «диспозитивность как правовой принцип — одно из условий саморегулирования в системе процессуального права»²⁸. На наш взгляд, учитывая, что процессуальные нормы в большинстве являются императивными, такое саморегулирование, если

рассматривать его с позиций способов и приемов процессуально-правового регулирования в качестве черты метода процессуального права, может иметь место только там, где нормативно-правовое основание диспозитивности закрепляется в законе диспозитивными нормами процессуального права.

Подчеркивая принципиальное различие между правом публичным и частным, И. А. Покровский признавал, что частное (гражданское) право по своему существу предполагает для своего бытия наличие множества самоопределяющихся центров: есть система координации, в отличие от публичного права как системы субординации, есть область свободы и частной инициативы, где регулирование отношений выполняется путем своих частных определений (*jus dispositivum*) и соглашений. Вследствие этого нормы частного права «могут быть отменены или заменены частными определениями»²⁹. Общеизвестный факт: значительная часть норм гражданского права имеет диспозитивный характер³⁰. В обновленном гражданском законодательстве в результате реформы специалистами отмечается, в частности, усиление начал диспозитивности гражданско-правовых норм в разрешении вопроса о распределении договорных рисков³¹.

В отличие от гражданского права, круг диспозитивных норм процессуального права весьма ограничен, если не сказать скуден. Для процессуального права характерны многие *разновидности процессуальных норм, существующие в российском праве: регулятивные и охранительные, общие и специальные и др.* Среди различного деления процессуальных норм с учетом рассматриваемого контекста в этом ряду найдутся и другие известные их классификации. В частности, отраслевые процессуальные нормы подразделяются *на обязывающие, запрещаю-*

²⁸ Курочкин С. А. Частные и публичные начала в цивилистическом процессе. М. : Инфотропик Медиа, 2012. С. 358 (Гражданский и арбитражный процесс / науч. ред. серии В. В. Ярков).

²⁹ См.: Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М. : Статут, 1998. С. 39–41.

³⁰ См.: Красавчиков О. А. Содержание, виды и формы диспозитивности // Категории науки гражданского права : Избранные труды : в 2 т. 2-е изд., стер. М. : Статут, 2017. Т. 1. С. 64–65.

³¹ См.: Реформа обязательственного права России: проблемы и перспективы : монография / отв. ред. Е. Е. Богданова. М. : Проспект, 2018. С. 5–12, 27–44.

щие и управомочивающие; на императивные и диспозитивные. В рамках классификации по характеру прав и обязанностей *управомочивающие предписания* по сравнению с другими разновидностями процессуальных установлений, возлагаемых на участников отношений, имеют больший удельный вес. Ими устанавливаются субъективные процессуальные права этих участников судопроизводства, указываются те процессуальные действия, которые они вправе совершить. Эти нормы, по мнению А. А. Мельникова, квалифицируются как диспозитивные. Предложенное ученым деление процессуальных норм на императивные и диспозитивные проводится по степени обязательности устанавливаемых правил процессуального поведения. Императивные нормы, по мнению автора, не допускают отступления участников процесса от сформулированного в ней правила поведения. Диспозитивные нормы, как признается, формулируют содержащиеся в них правила таким образом, что субъекту процесса предоставляется право выбора соответствующего поведения³². К таким нормам действовавшего ГПК РСФСР автор относил, например, законодательные положения о праве граждан вести свои дела лично или через представителя, право кассационного обжалования, право прокурора предъявить иск или вступить в дело в любой стадии процесса. Представляется, что разграничение процессуальных норм на императивные и диспозитивные по степени обязательности устанавливаемых правил процессуального поведения не является приемлемым, способно ввести в заблуждение и относительно процессуальной диспозитивности. Следует возразить, что любые правила поведения, установленные законом, являются обязательными. Выбор при принятии решения и его реализации обеспечивает субъекту права наделение его субъективным правом быть управомоченным. В механизме правового

регулирования, независимо от его правоотраслевой разновидности, такой выбор имеется лишь при реализации прав (правомочий). Выбор вариантов поведения, простор для инициативы открывает субъективное право как мера поведения, дозволенного управомоченному. Обязанность же программирует необходимое действие, за пределы которого обязанное лицо выйти не может, в пределах обязанностей — то, что такому лицу непосредственно предписано. Различие проявляется, например, и в стимулах их реализации: в отношении права это интерес, формируемый жизненными обстоятельствами, без которого право бездейственно; у обязанности — возможность применения принуждения³³. Значит, выбор такого процессуального поведения возможен лишь при реализации участниками процессуальных правоотношений соответствующих правомочий, задан пределами субъективного процессуального права, а если так, то в такой классификации сложно усмотреть своеобразие воздействия субъективного процессуального права, оно отражается в предыдущей классификации по характеру прав и обязанностей, возлагаемых на участников отношений.

В общетеоретическом учении правоведения деление юридических норм на *императивные и диспозитивные имеет иной «разрез права»*, они — в классификации, связанной с индивидуальным регулированием. Основанием для их различия является *характер связи с индивидуальным регулированием участниками своего поведения.* Диспозитивные нормы — это нормы, действующие лишь постольку, поскольку стороны в результате соглашения (договора) не установили иных условий своего поведения. В отличие от императивных норм, выраженных в категорических предписаниях, при диспозитивных предписаниях по усмотрению лиц они могут быть заменены иными условиями их поведения (санкционированными законом

³² См.: Мельников А. А. Советский гражданский процессуальный закон. Вопросы теории гражданского процессуального права. М.: Наука, 1973. С. 16–18.

³³ См.: Иоффе О. С., Грибанов В. П. Пределы осуществления субъективных гражданских прав // Советское государство и право. 1964. № 7. С. 76–85; Лукасян Р. Е. Концепция слияния прав и обязанностей и административно-командные методы управления // Советское государство и право. 1989. № 7. С. 26–34.

условиями договоров)³⁴. В итоге *имеющееся в теории процессуального права представление об императивных и диспозитивных нормах не согласуется с общеправовым представлением о классификации правовых норм.*

Вместе с тем классификация правовых норм на императивные и диспозитивные, известная отечественному правоведению, для современного отраслевого процессуального права не является *определяющей*, поскольку не отражает существенные его особенности. *Диспозитивные нормы в этом ключе в процессуальном праве — это лишь отдельные вкрапления в процессуальной материи.* В отличие от процессуального права, особенность гражданского права — существование в противопоставлении императивным большому числу диспозитивных норм, даже целых групп, которые действуют лишь постольку, поскольку субъекты не установили соглашением иных условий своего поведения (ст. 421, 422 ГК РФ), что отвечает принципу свободы договора, его основным началам, называемым в юридической литературе еще «восполнительными». В гражданском обороте, базирующемся на принципе свободы договора, диспозитивными нормами предоставлена возможность участникам имущественного оборота адаптировать правовое регулирование условиями соглашения к своим потребностям в результате новаций реформы гражданского законодательства последнего десятилетия, например, прямо установив соглашением сторон обязательства (обязанность) одной из них возместить на условиях и в порядке, предусмотренных таким соглашением по правилам ст. 406.1 ГК РФ (соглашение о возмещении потерь), имущественные потери другой стороны, которые могут возникнуть в случае наступления определенных обстоятельств, каким-либо образом связанных с исполнением, изменением или пре-

кращением обязательства либо его предметом, и не являющихся нарушением обязательства³⁵.

Напротив, наличие подобного рода диспозитивных норм не является характерным для процессуального права, что не может сказываться на характеристике его принципов, в том числе принципа диспозитивности, ибо такими нормами *ввиду их незначительного объема (в той или иной степени) процессуально-правовое регулирование не направляется.* В то же время нельзя исключать дальнейшее развитие процессуально-правового регулирования в направлении его связи с индивидуальным регулированием соглашением сторонами спора своего процессуального поведения.

Представляется, что специфика подобного регулирования по выбору прежде всего сторон спора должна быть допустима в отношении только тех процессуальных прав, которые прямо предусмотрены процессуальным правом, выражены в законе. Дополнительную прописку договорный порядок получает в методе регулирования процессуальных отношений в результате реформы третейского разбирательства, о чем свидетельствуют последние нововведения в процессуальное законодательство. Так, прямым соглашением стороны гражданского правоотношения, спор из которого передается на основании арбитражного соглашения на рассмотрение в порядке арбитража, могут исключить возможность оспаривания решения третейского суда в судебном порядке (ст. 40 Федерального закона от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации»³⁶), предусмотреть, что рассмотрение заявления о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение арбитражного решения и иных процессуальных актов третейского суда, принятых по спорам в рамках специального административного

³⁴ См.: Алексеев С. С. Гражданское право : учебник : в 2 т. / отв. ред. проф. Е. А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Бек, 2002. Т. 1. С. 440–441.

³⁵ См.: п. 15–18 постановления Пленума ВС РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // СПС «КонсультантПлюс».

³⁶ СЗ РФ. 2016. № 1 (ч. 1). Ст. 2.

района, проводится в срок, не превышающий четырнадцати дней, без проведения судебного заседания (ч. 1.1 ст. 238 АПК РФ). Между тем предпринятые законодателем шаги не есть свидетельство доминирования диспозитивных процессуальных норм, формирование на этой основе качественно иного типа процессуального регулирования, чем разрешительный, в противовес известному гражданскому праву как дозволительный, равным образом и нет оснований конструировать процессуальные правоотношения по типу гражданско-правовых, потому что последние суть отношения юридически равных лиц, тогда как первые — отношения власти и подчинения.

В любом случае субъективное право как мера поведения, дозволенного управомоченному, дает субъекту в известных пределах свободу действовать своей волей и в своем интересе как в гражданском, так и в процессуальном правоотношении. Каждое процессуальное действие лица, подчиненное нормам процессуального права, должно быть обосновано. Процессуальное поведение (действие) сторон как лиц, участвующих в деле, в том числе как проявление принципа дис-

позитивности, будучи определяющим, является предметом оценки со стороны суда, от результата которой зависит развитие процессуальных правоотношений (наличие правового основания и достаточного фактического состава), иными словами, требует соответствующего процессуального акта при применении судом норм права (проверка условий его действительности). Все субъекты процесса наделены процессуальными правами и обязанностями, объективно направленными в совокупности к единой цели — осуществлению задач правосудия³⁷. По этой причине активность или пассивность поведения сторон в ходе защиты субъективных материальных прав и законных интересов не может не оцениваться судом как с позиций их интересов, так и с позиций интересов правосудия (законности и правопорядка). Определенно то, что деятельность органа правосудия по защите права в порядке судопроизводства гражданско-процессуального профиля осуществляется в результате юридического познания в отношении правовых предписаний и юридических фактов области материального и процессуального права, она всегда *in concreto* по данному гражданскому делу.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Боннер А. Т. Принцип диспозитивности советского гражданского процессуального права. — М., 1987.
2. Васильев А. М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категории теории права. — М. : Юрид. лит., 1976.
3. Воронов А. Ф. Гражданский процесс: эволюция диспозитивности. — М. : Статут, 2007.
4. Гурвич М. А. Судебное решение. Теоретические проблемы. — М. : Юрид. лит., 1976.
5. Красавчиков О. А. Избранные труды : в 2 т. Т. 1. — 2-е изд., стер. — М. : Статут, 2017.
6. Курочкин С. А. Частные и публичные начала в цивилистическом процессе / науч. ред. В. В. Ярков. — М. : Инфотропик Медиа, 2012.
7. Малейн Н. С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность. — М. : Юрид. лит., 1985.
8. Мельников А. А. Советский гражданский процессуальный закон. Вопросы теории гражданского процессуального права. — М. : Наука, 1973.
9. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. — М. : Статут, 1998.
10. Шерстюк В. М. Теоретические проблемы развития гражданского процессуального, арбитражного процессуального права и исполнительного производства в Российской Федерации. — М. : Городец, 2021.

Материал поступил в редакцию 8 августа 2021 г.

³⁷ См.: Гурвич М. А. Судебное решение. Теоретические проблемы. С. 6.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bonner A. T. Princip dispozitivnosti sovetskogo grazhdanskogo processual'nogo prava. — M., 1987.
2. Vasil'ev A. M. Pravovye kategorii. Metodologicheskie aspekty razrabotki sistemy kategorii teorii prava. — M. : Yuridicheskaya literatura, 1976.
3. Voronov A. F. Grazhdanskij process: evolyuciya dispozitivnosti. — M. : Statut, 2007.
4. Gurvich M. A. Sudebnoe reshenie. Teoreticheskie problemy. — M. : Yuridicheskaya literatura, 1976.
5. Krasavchikov O. A. Izbrannye trudy : v 2 t. T. 1. — 2-e izd., ster. — M. : Statut, 2017.
6. Kurochkin S. A. Chastnye i publichnye nachala v civilisticheskom processe / nauch. red. V. V. Yarkov. — M. : Infotropik Media, 2012.
7. Malein N. S. Pravonarushenie: ponyatie, prichiny, otvetstvennost'. — M. : Yuridicheskaya literatura, 1985.
8. Mel'nikov A. A. Sovetskij grazhdanskij processual'nyj zakon. Voprosy teorii grazhdanskogo processual'nogo prava. — M. : Nauka, 1973.
9. Pokrovskij I. A. Osnovnye problemy grazhdanskogo prava. — M. : Statut, 1998.
10. Sherstyuk V. M. Teoreticheskie problemy razvitiya grazhdanskogo processual'nogo, arbitrazhnogo processual'nogo prava i ispolnitel'nogo proizvodstva v Rossijskoj Federacii. — M. : Gorodec, 2021.